

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 2. С. 221–233.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 2. P. 221–233.

Научная статья / Original article

УДК 122

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-2-221-233

АНТИНОМИЯ НАУЧНОСТИ И ЧЕЛОВЕЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. Л. ЧИЖЕВСКОГО

Екатерина Евгеньевна Звонова

Первый Московский государственный медицинский
университет имени И. М. Сеченова

Министерства здравоохранения Российской
Федерации (Сеченовский университет), Москва, Россия;

Московская высшая школа социальных
и экономических наук (МВШСЭН),

Москва, Россия, inflammatur@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-6397-5268>

Аннотация. Статья содержит анализ воззрений, касающихся антиномии научности и человечности, отраженных в философских и научных исследованиях А. Л. Чижевского. Раскрывается сопряженность детерминистических и холистических взглядов ученого, представленных на страницах его философской работы «Основное начало мироздания»: единый закон обуславливает наличие более частных закономерностей и «склеивает» разные царства природы в некую целостность. Показана соотнесенность детерминизма и холизма с антиномией научности и человечности. Детерминизм «объективирует» человека, превращая его в «хороший» объект научного исследования, но лишая его специфически человеческих свойств. Будучи связанным с детерминизмом, холизм «работает на научность против человечности». Но неразрывное единство микро- и макрокосма делает затруднительным реализацию субъект-объектных отношений, понимаемых в духе классической научной рациональности, и подталкивает к мысли о том, что субъективность может служить познанию

объективной реальности. Таким образом, холизм также «работает на человечность против научности». Основание для смягчения антиномии между научностью и человечностью дает выраженная в «Основном начале» склонность Чижевского к активно-эволюционным воззрениям. При этом другая философская работа ученого — «Электронная теория и генезис форм» — утверждает жестко детерминистическую, недиалектическую модель эволюции и не содержит идей, позволяющих смягчить указанную антиномию. В научных трудах Чижевского проблематика, связанная с противоречием между научностью и человечностью, также отсылает к детерминизму и холизму, представленным посредством конкретных закономерностей. Весьма ярко детерминированность, объективированность человека внешними факторами и связанную с ней антиномию научности и человечности иллюстрируют исследования ученого, посвященные влиянию солнечной активности на земные (в особенности исторические) процессы, его концепция гелиотараксии. Впрочем, Чижевский делает попытку «спасти» свободу воли, но попытка эта отрицает жестко детерминистический подход, который сам он полагает единственно научным. Антиномия научности и человечности смягчается, опять же, при соотнесении с воззрениями, которые близки к концепции активной эволюции. В качестве фактора, который мог определить проблематичность исследуемых взглядов ученого, указываются специфические особенности российского менталитета, отечественной культуры, их синтетический характер, проявляющийся и в гносеологической сфере. Классические представления о субъекте и объекте научного познания, на которые ориентировался А. Л. Чижевский, вступают в противоречие с соответствующим мировоззрением.

Ключевые слова: А. Л. Чижевский, антиномия, научность, человечность, холизм, детерминизм, субъект, объект, национальный менталитет

Ссылка для цитирования: *Звонова Е. Е. Антиномия научности и человечности в творчестве А. Л. Чижевского // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 2. С. 221–233.*
doi:10.17323/2658-5413-2024-7-2-221-233.

Memory of Culture

ANTINOMY OF SCIENTIFIC APPROACH AND HUMANNESS
IN A. L. CHIZHEVSKY'S WORKS

Ekaterina E. Zvonova

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University
(Sechenovskiy University), Moscow, Russia;
Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES),
Moscow, Russia, inflammatur@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6397-5268>

Abstract. The article contains an analysis of views relating to the antinomy of scientific approach and humanness reflected in the philosophical and scientific studies of A. L. Chizhevsky. The conjugation of the scientist's deterministic and holistic views presented on pages of his philosophical work "The Main Beginning of the Universe" is revealed (a single law determines the existence of more particular patterns and "glues" different kingdoms of nature into a certain integrity). The correlation of determinism and holism with the antinomy of scientific approach and humanness is shown. Determinism "objectifies" human, turning him into a "good" object of scientific research, but depriving him of specifically human properties. Being associated with determinism, holism "works for scientific approach against humanness". But the inextricable unity of micro- and macrocosm makes it difficult to realize subject-object relations understood in the way of classical scientific rationality and pushes the idea that subjectivity can serve the knowledge of objective reality. Thus, holism also "works for humanness against scientific approach". The basis for softening the antinomy between scientific approach and humanness is given by the tendency of Chizhevsky to accept active evolutionary views. At the same time "Electronic Theory and Genesis of Forms", another philosophical work of the scientist states a rigidly deterministic, non-dialectic model of evolution and does not contain ideas that allow mitigating this antinomy. In Chizhevsky's scientific works problems associated with the contradiction between scientific approach and humanness also refer to determinism and holism presented through specific laws. Determinism, objectivity of a person by external factors and the associated antinomy of scientific approach and humanness are very clearly illustrated by the scientist's research on the influence of solar activity on terrestrial (especially historical) processes, by his concept of heliotaraxy. However, Chizhevsky makes an attempt to "save" free will, but this attempt denies the rigidly deterministic approach, which he himself believes

to be the only scientific one. The antinomy of scientific approach and humanness is softened again when correlated with views that are close to the concept of active evolution. The specific features of the Russian mentality, domestic culture, their synthetic character which is also manifested in the epistemological sphere are indicated as a factor that could determine the problematic character of the scientist's studied views. Classical ideas about the subject and object of scientific knowledge which were a guideline for A. L. Chizhevsky contradict the corresponding worldview.

Keywords: A. L. Chizhevsky, antinomy, scientific approach, humanness, holism, determinism, subject, object, national mentality

For citation: Zvonova, E. E. (2024) "Antinomy of scientific approach and humanness in A. L. Chizhevsky's works", *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(2), pp. 221–233. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2024-7-2-221-233.

В этом году исполнилось 60 лет со дня смерти Александра Леонидовича Чижевского (1897–1964) — самобытного представителя русского космизма, одного из основоположников космического естествознания. Данная статья посвящена анализу антиномии научности и человечности, отраженной в философских и научных трудах мыслителя, с последующим указанием специфики отечественного менталитета, которая могла обусловить ее проблематический характер. Актуальность подобного исследования обусловлена «человекообразным» характером современной науки, создающим необходимость рассмотрения различных вариантов ответа на вопрос о том, как объективно изучать субъекта [Степин, 2017].

До нас дошли два философских труда А. Л. Чижевского — «Основное начало мироздания. Система космоса. Проблемы» [Чижевский, 1997] и «Электронная теория и генезис форм. Проблема» (АРАН. Ф. 1703. Оп. 1. Д. 2. 224 л.).

В «Основном начале» рассматривается вопрос о соотношении гармонии и хаоса на глобальном уровне мироустройства. Автор полагает, что гармония и упорядоченность, царящие в мире, основаны на универсальном законе, который «является последствием влияния одной первопричины на одну физическую величину» [Чижевский, 1997, № 1–2, с. 115]. В качестве единой физической величины указывается электричество, а в роли единой первопричины выступает всеобщий принцип кругообращения (*principium universale circulationis*), «дробящийся» на множество частных закономерностей и определяющий симметрию и ритм естественных процессов.

Александр Леонидович Чижевский (1897–1964)

Соответствующее видение оснований реальности обуславливает детерминистические и холистические воззрения ученого [Звонова, 2024]: подчиненность универсальному закону «сводит» разные царства природы в некое гармоничное целое, а сама суть гармонии эмерджентна, не сводима к частям целого, которому присуща. Детерминизм и холизм распространяются и на философско-антропологические взгляды Чижевского, поскольку человек неразрывным образом связан с управляемым единым законом миром и сам подчинен этому закону. Будучи тесно сопряженными, детерминистические и холистические воззрения мыслителя на человеческий феномен оказываются соотношенными с антиномией научности и человечности.

Детерминистическая оптика воспринимается Чижевским как неременное условие объективного научного подхода. Стремясь во имя научности избавиться от искажений познавательного процесса человеческой субъективностью, что М. Планк называл «эмансипацией от антропоморфизма», ученый заинтересован превратить субъекта познания в объект, лишенный «вредоносной» субъективности, полностью подчиненный объективным и подлежащим объективному изучению факторам. Учитывая отмеченную выше «озакономеренность», «единозаконность» микро- и макрокосма, намерение Чижевского кажется легко выполнимым «внутри» соответствующей картины мира. Однако, отказывая человеку не только в субъективности, но и в субъектности, выводящей его из ряда объектов, мыслитель получает своего рода «плоскую онтологию»: человеческое существо лишается специфически человеческих

свойств [Карнеев, 2022]. Таким образом, возникает антиномия научности и человечности.

При этом холизм Чижевского в контексте отмеченной антиномии является своего рода палкой о двух концах. С одной стороны, он не может быть «оторван» от детерминизма и тем самым «работает на научность против человечности». С другой — реализация классических отношений диады «субъект — объект» в ситуации неустранимой связи человека и окружающей среды оказывается весьма проблематичной. Кроме того, единство микро- и макрокосма дает основание для признания субъективности не искажающим фактором познания, а его источником. Ведь субъективность при таком положении вещей должна быть восприимчива к однородному с человеком объективному устройству мира. Можно отметить некоторое противоречие между «вписанностью» в реальность человека, характерной чертой которого мыслитель признает способность к познавательной деятельности, и установкой на элиминирование всего человеческого из научного познания. Соответственно, холизм «работает» и на человеческую субъективность, «на человечность против научности», как последнюю понимал Чижевский. Впрочем, однородность человека и мира позволяет рассматривать субъективность в качестве эпифеномена объективного порядка, производной объективности.

Проблемный характер антиномии научности и человечности обусловлен также противоречивым статусом человеческого разума, приобретаемым при соотнесении с ней. Чижевский признает пагубное воздействие «эмансипации от антропоморфизма», даже чисто интеллектуальной «бесчеловечности» на психологическое состояние познающего субъекта: «Философу грустно, может быть, смотреть на одно из прекраснейших явлений природы, на один из ее красивых обманов — темно-голубой цвет неба, зная его ирреальность; он должен вооружиться мужеством и смело выдержать удары новой эры в человеческой мысли по косным представлениям древнего мира» [Чижевский, 1997, № 1–2, с. 112]. Таким образом, разумность, которая могла бы претендовать на роль основания человечности, достигая высшей степени, становится труднопереносимой для человека; благодаря ей он одновременно утверждает и отрицает самого себя.

Новые смыслы, связанные с антиномией научности и человечности, обнаруживаются при исследовании эволюционных воззрений Чижевского. Полагая справедливой идею единства онто- и филогенеза, стремясь объединить принцип всеобщего кругообращения, Палигенезиса и представления о возможности направленного, восходящего развития человечества, ученый склоняется к модели эволюции вида *Homo sapiens* «по спирали». Ключевой для

русского космизма концепт активной (направляемой человеческим разумом и волей) эволюции не развит Чижевским на страницах «Основного начала мироздания» явным образом. Однако, сочетаясь с верой в высокие возможности разума, обозначенные выше эволюционные взгляды дают повод предполагать: ученому была близка активно-эволюционная оптика. Мы считаем, что оптика эта предоставляет основание для смягчения антиномии научности и человечности.

Если объективные факторы определяют развитие вида Homo таким образом, чтобы человек стал достаточно разумным для понимания детерминирующей программы и ее переписывания с опорой на объективные естественные закономерности, то детерминизм и объективность (и, соответственно, возможность научного подхода) «сохраняются». Однако они не противоречат человеческой свободе, которую можно рассматривать в качестве фундамента субъектности и человечности.

Что касается «Электронной теории и генезиса форм», ее специфику по сравнению с «Основным началом мироздания» применительно к теме данной статьи составляет отсутствие эволюционных оснований для смягчения антиномии научности и человечности. Поскольку Чижевский рассматривает явления природы, в частности эволюцию, как изменения конфигураций электронов, придерживаясь последовательного детерминизма и полагая естественные законы неизменными, ему приходится признать тщетными попытки способствовать прогрессу человеческого рода. Менее диалектическая, нежели отраженная в «Основном начале», версия эволюционного детерминизма отрицает возможность «метафизического зазора», сквозь который могла бы «просочиться» свобода воли, а вместе с ней и субъектность; «озакономеренное» развитие человечества становится идеальным объектом для научного исследования, однако человеческий фактор в нем напрочь отсутствует. Остается добавить, что эволюционная концепция «Электронной теории» «бесчеловечна» еще и вследствие своей пессимистичности: мыслитель предрекает виду Homo sapiens вырождение и гибель, не будучи, впрочем, категоричным в своих прогнозах.

Научные труды Чижевского также позволяют констатировать: он признавал наличие антиномии между научностью и человечностью. Как и в случае философских работ, соответствующая проблематика сопряжена с детерминистическими и холистическими представлениями ученого, однако детерминизм и холизм не выступают следствием общих принципов, но иллюстрируются конкретными закономерностями, механизмы которых предполагают целостность мироздания, единство микро- и макрокосма.

Наибольшую известность Чижевскому принесли исследования влияния активности Солнца на земные процессы, особенно те из них, которые изучает история. Пожалуй, самое яркое выражение антиномия научности и человечности нашла в знаменитой работе «Физические факторы исторического процесса» [Чижевский, 1990]. Ученый стремится сделать историю подлинной, то есть характеризующейся наличием строгих объективных закономерностей научной дисциплиной. И главным препятствием на этом пути выступает опять-таки человек в своем собственно человеческом, «выделенном» из объективного порядка мира качестве. Пытаясь «озакономерить» историческую науку, исключить из нее элемент случайности посредством установления соответствия между максимумами и минимумами активности Солнца и бурными и спокойными периодами истории, Чижевский «озакономеривает» и человека, представляя его не творцом исторической реальности, не ее субъектом, но объектом, свойства которого обусловлены объективным воздействием солнечного излучения.

Приведем для примера цитату из «Физических факторов», представляющую собой яркую иллюстрацию антиномии научности и человечности:

Успехи биофизики в течение последних десятилетий начинают лишать человека и его мыслительные процессы того таинственного ореола, которым они были окружены столько тысячелетий. Это происходит вследствие слияния наук воедино на почве физико-математического анализа. Последний, будучи приложен к исследованию психических процессов, постепенно устраняет заблуждения о сверхъестественном происхождении сознания, функции которого выражаются в физико-химических превращениях и подчиняются математическим формулам.

Таким образом, человеческая воля становится доступной опыту, и сам человек из сферы чудес переводится в ряд закономерных физико-химических явлений природы.

[Чижевский, 1990, с. 8]

Аналогичные воззрения утверждают и другие работы Чижевского, посвященные солнечной тематике: «Земное эхо солнечных бурь» [Чижевский, 1976], «Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия» [Чижевский, 1995] и т. д.

Анализируя концепцию гелиотараксии («солнечного возмущения»), можно констатировать: версия антиномии научности и человечности, отраженная в научных трудах одного из основоположников космического естествознания,

оказывается столь же проблематичной, как и представленная на страницах «Основного начала» и «Электронной теории».

Чижевский, во-первых, признает предрасположенность человеческих масс к активности функцией от интенсивности солнечного излучения; во-вторых, ученый утверждает, что при наличии детерминирующего фактора политико-экономического характера действия конкретных индивидов в совокупности создают определенную тенденцию, оказываются в среднем единообразными. Таким образом, концепция гелиотараксии есть распространение детерминистической точки зрения на множество людей, причем последнее рассматривается как сумма человеческих индивидов; отношения между ними, возникающие системные эффекты несущественны.

Опутывая человеческие массы паутиной солярного детерминизма, признавая их поведение зависимым от солнечной активности, Чижевский вновь тяготеет к тому, чтобы пожертвовать человечностью во имя научности, сделать из субъекта объект, лишенный непредсказуемых проявлений свободы воли. И одновременно, по-видимому, ощущая неудовлетворительность подобной позиции, в пределе отрицающей вместе со свободой и моральную ответственность, ученый пытается «спасти» свободу: *«Солнце не принуждает нас делать то-то и то-то, но оно заставляет нас делать что-нибудь. Но человечество идет по линии наименьшего сопротивления и погружает себя в океаны собственной крови»* [Чижевский, 1990, с. 63]. Если признать, что выбор «того-то и/или того-то» не является «принужденным», его правомерно назвать свободным, но тогда и идущим вразрез с детерминирующей и объективирующей научностью.

Как и в случае «Электронной теории», основанием для смягчения антиномии научности и человечности может стать тяготение автора концепции гелиотараксии к активно-эволюционным воззрениям: познав детерминирующую и «обрекающую» на познание реальность, человек обретает способность «переписать правила игры», при этом переписать не значит нарушить. О том, что Чижевскому-ученому была близка оптика активной эволюции, можно судить по встречающимся на страницах его научных работ суждениям, касающимся необходимости познания природы для управления ей, которые сами по себе, впрочем, весьма банальны.

Мы могли бы обратиться к трудам Чижевского по аэроионификации, однако в философском плане это немногое бы нам дало: не столь важно, о какой именно согласующейся с научным подходом разновидностью детерминизма идет речь, «солнечной» или «воздушной». Значение имеет то, что правомерной оказывается дилемма: оптика этого подхода либо не приспособлена для

исследования человека как человека, либо нечто специфически человеческое в человеке просто отсутствует.

Имея перед глазами историю последующего развития науки, принимая во внимание ориентиры постнеклассического типа научной рациональности и достижения синергетики, позволяющие иначе взглянуть на отношения между субъектом и объектом, детерминизмом и свободой, научностью и человечностью, мы знаем, что реальности соответствует первая часть указанной дилеммы [Буданов, 2009]. Тем не менее вопросы, связанные с методологией гуманитарных наук, субъектом [Криман, 2023] и субъективностью [Аргамакова, 2023], остаются актуальными для философии и науки и сегодня.

По нашему мнению, проблематичность взглядов Чижевского на соотношение научности и человечности может быть обусловлена не только ограничениями, накладываемыми эпохой, в которой он жил, и доминирующими в его время представлениями о научной рациональности как таковыми. Мы полагаем, что творчество ученого воплощает характерные для отечественного менталитета установки, зачастую трудно совместимые с мировоззренческими паттернами, отраженными в современной ему научной картине мира и исторически свойственными европейской культуре. Разумеется, наука стремится познать реальность такой, как она есть. Однако культурный, национальный фактор может влиять на то, что в этом «есть» замечается прежде всего. Поэтому его исследование представляется весьма плодотворным [Гачев, 1993].

Сама диада «субъект — объект», как она понимается в науке, соответствующей классическому типу научной рациональности, задающая представления о субъективности и объективности, на которые опирался Чижевский, фиксируя антиномию научности и человечности, противоречит синтетическому характеру российской культуры с характерными для него концептами Софии (объединяющей, а не разделяющей премудрости), живознания и т. п.

Будучи ученым своего времени, основоположник концепции гелиотараксии не мог не стремиться к положению вещей, ироническое описание которого Ф. М. Достоевский приводит в «Записках из подполья»: «...сама наука научит человека (хоть это уж и роскошь, по-моему), что ни воли, ни каприза на самом деле у него и нет, да никогда не бывало, а что он сам не более, как нечто вроде фортепьянной клавиши или органного штифтика; и что, сверх того, на свете есть еще законы природы; так что все, что он ни делает, делается вовсе не по его хотенью, а само собою, по законам природы» [Достоевский, 2006, с. 625]. Но как представитель культуры, для которой свойственны синтетические и человекоразмерные гносеологические идеалы, Чижевский пытается «спасти»

человеческую субъектность и субъективность, свободу воли, человечность, порой противореча самому себе.

Полагаем, выдающийся ученый-космист положительно оценил бы реалии современной постнеклассической науки, позволяющие совместить научность и человечность, детерминизм и свободу воли, предполагающие учет субъектности, а не ее элиминирование во имя объективности; ведь данные реалии не склоняют столкнуть «все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с тою целью, чтоб все эти логарифмы отправились к черту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить!» [Достоевский, 2006, с. 626].

Список источников

Аргамасова А. А. Ценность субъективного знания // Вестник РФО. 2023. № 1–2 (103–104). С. 78–91. doi:10.21146/1606_6251_2023_1/2_78_91.

Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд. 3-е дополн. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 240 с.

Гачев Г. Д. Наука и национальная культура (гуманитарный комментарий к естествознанию). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1993. 320 с.

Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 9 т. М.: АСТ; Астрель, 2006. Т. 2. С. 610–699.

Звонова Е. Е. Детерминистические представления о человеке в философских работах А. Л. Чижевского: научный и религиозный аспекты // Философская мысль. 2024. № 1. С. 69–81. doi:10.25136/2409-8728.2024.1.69505.

Карнеев Р. Р. Проект реконцептуализации субъекта: незавершенная сборка // Концепт: философия, религия, культура. 2022. № 6 (1). С. 7–19. doi:10.24833/2541-8831-2022-1-21-7-19.

Криман А. И. Постгуманизм и современное искусство: пересборка антропоцентристского дискурса в пространстве визуального // Наука телевидения. 2023. № 19 (3). С. 21–41. doi:10.30628/1994-9529-2023-19.3-21-41.

Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.

Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. М.: Мысль, 1976. 367 с.

Чижевский А. Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М.: Мысль, 1995. 768 с.

Чижевский А. Л. Основное начало мироздания // Духовное созерцание. 1997. № 1–2. С. 105–136; № 3–4. С. 85–113.

Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга: Ассоциация «Калуга-Марс»; Музей истории космонавтики им. К. Э. Циолковского, 1990. 70 с.

Архивы

АРАН — Архив РАН.

References

Argamakova, A. A. (2023) “Tsennost’ sub”ektivnogo znaniya” [“The value of subjective knowledge”], *Vestnik RFO [Bulletin of the Russian Philosophical Society]*, 1–2(103–104), pp. 78–91. doi:10.21146/1606_6251_2023_1/2_78_91.

Budanov, V. G. (2009) *Metodologiya sinergetiki v postneklassicheskoi nauke i v obrazovanii [The methodology of synergetics in post-nonclassical science and education]*. Moscow: Izdatel’stvo LKI.

Gachev, G. D. (1993) *Nauka i natsional’naya kul’tura (gumanitarnyi kommentarii k estestvoznaniyu) [Science and National Culture (humanitarian commentary on natural science)]*. Rostov-on-Don: Izdatel’stvo Rostovskogo universiteta.

Dostoevskii, F. M. (2006) “Zapiski iz podpol’ya” [“Notes from the underground”], in Dostoevskii, F. M. *Sobranie sochinenii v 9 tomakh. Tom 2 [Collected works in 9 vols. Vol. 2]*. Moscow: AST: Astrel’, pp. 610–699.

Zvonova, E. E. (2024) “Deterministicheskie predstavleniya o cheloveke v filosofskikh rabotakh A. L. Chizhevskogo: nauchnyi i religiozniy aspekt” [“Deterministic ideas about man in the philosophical works of A. L. Chizhevsky: scientific and religious aspects”], *Filosofskaya Mysl’ [Philosophical Thought]*, 1, pp. 69–81. doi:10.25136/2409-8728.2024.1.69505.

Karneev, R. R. (2022) “Proekt rekontseptualizatsii sub”ekta: nezavershennaya sborka” [“The subject’s reconceptualization project: an incomplete assembly”], *Kontsept: Filosofiya, Religiya, Kul’tura [Concept: Philosophy, Religion, Culture]*, 6(1), pp. 7–19. doi:10.24833/2541-8831-2022-1-21-7-19.

Kriman, A. I. (2023) “Postgumanizm i sovremennoe iskusstvo: peresborka antropotsentristskogo diskursa v prostranstve vizual’nogo” [“Posthumanism and Contemporary Art: The Reassembly of Anthropocentric Discourse in the Space of the Visual”], *“Nauka Televideniya” [“The Science of Television”]*, 19(3), pp. 21–41. doi:10.30628/1994-9529-2023-19.3-21-41.

Stepin, V. S. (2011) *Tsivilizatsiya i kul’tura [Civilization and culture]*. St. Petersburg: SPbGUP.

Chizhevskii, A. L. (1976) *Zemnoe ekho solnechnykh bur’ [The earthly echo of solar storms]*. Moscow: Mysl’.

Chizhevskii, A. L. (1995) *Kosmicheskii pul’s zhizni: Zemlya v ob’yatiyakh Solntsa. Geliotaraksiya [The cosmic pulse of life: The Earth in the arms of the Sun. Heliotaraxia]*. Moscow: Mysl’.

Chizhevskii, A. L. (1997) “Osnovnoe nachalo mirozdaniya” [“The basic principle of the universe”], *Dukhovnoe sozertsanie* [“Spiritual contemplation”], 1–2, pp. 105–136; 3–4, pp. 85–113.

Chizhevskii, A. L. (1990) *Fizicheskie faktory istoricheskogo protsessa* [Physical factors of the historical process]. Kaluga: Assotsiatsiya «Kaluga-Mars», Muzei istorii kosmonavtiki im. K. E. Tsiolkovskogo.

Информация об авторе: Екатерина Евгеньевна Звонова — кандидат философских наук, доцент Института социальных наук Первого Московского государственного медицинского университета имени И. М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский университет). Адрес: Российская Федерация, 119048, Москва, ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2; старший научный сотрудник, Центра исследований космизма Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН). Адрес: Российская Федерация, 125009, Москва, Газетный пер., д. 3/5, стр. 1.

Information about the author: Ekaterina E. Zvonova — PhD in Philosophy, Associate professor at the Institute of Social Sciences, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenovskiy University). Address: 2 8 Trubetskaya Str., Moscow, 119048, Russian Federation; Senior Researcher at the Cosmism Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSSES). Address: 1 3/5 Gazetny per., Moscow, 125009, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.02.2024;
одобрена после рецензирования 01.06.2024;
принята к публикации 10.06.2024.

The article was submitted 25.02.2024;
approved after reviewing 01.06.2024;
accepted for publication 10.06.2024.